

Лариса
РУБАЛЬСКАЯ

Свет
В ТВОЕМ ОКНЕ

Золотая серия поэзии (Эксмо)

Лариса Рубальская

Свет в твоём окне (сборник)

«ЭКСМО»

Рубальская Л. А.

Свет в твоём окне (сборник) / Л. А. Рубальская — «Эксмо»,
— (Золотая серия поэзии (Эксмо))

© Рубальская Л. А.

© Эксмо

Содержание

Из книги «Очередь за счастьем»	6
Отец	6
Настоящая подруга	10
Ошибка молодости	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лариса Рубальская

Свет в твоём окне

© Рубальская Л., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Из книги «Очередь за счастьем»

Отец

– Ой, Лариса, ну почему ты так чудно ходишь? Носки врозь и переваливаешься, как утка? Тебя издали узнать можно. – Сколько раз я это слышала!

Да, как хочу, так и хожу. У меня походка папина. Я вообще вся в него – и походка, и характер, и улыбка. И очень этому рада, ничего исправлять не собираюсь. Потому что папка мой был обыкновенным замечательным человеком. Его нет уже очень давно – 33 года. За эти годы в моей жизни произошло столько всего – и радостного, и страшного. Недавние утраты еще очень больно жгут сердце. А память об отце уже где-то очень глубоко, на доньшке души. И вспоминаю о нем без боли – грустно-весело.

В 1920 году в украинском местечке Вчерайше, в огромной – сестер-братьев не сосчитать – семье, родился мальчик Айзик – мой отец. У Рубальских было много Айзиков и Базиков. Почему-то всех почти родившихся мальчишек так называли их родители. Выглянет, бывало, какая-нибудь мама в окошко, зовет домой сыночка: «Айзик!» И сразу человек пять бегут на ее оклик.

Или соберутся вечерком и о Базике разговор заведут. А о каком из них, сразу и непонятно.

Мне мои дядьки достались уже Алексеями, Борисами, Ленями – все поменяли свои еврейские имена, такое было время. И я появилась на свет уже Ларисой Алексеевной.

В 1941 году отец ушел на войну, готовил к вылету военные самолеты в летном отряде в Паневежисе.

А когда вернулся домой, увидел пепелище от сожженной хаты, холм братской могилы в лесу, где остались расстрелянные немцами его мать, отец, две сестры и еще много родных людей. От оставшихся в живых он услышал страшный рассказ о том, как вели евреев в лес, воткнув им в спины острия штыков, как громыхали выстрелы и как потом еще несколько дней как живой дышал холм над телами убитых и, может быть, заживо погребенных.

1944 год – отец в Москве, курсант Военно-воздушной академии им. Жуковского. С друзьями-летчиками пошли на танцы, а там мама моя с подружкой – Алька с Тamarкой, во все глаза на летчиков пялятся. Понравился Алексей Тamarке, а ему как раз Алечка приглянулась – мама моя. Ну и в сентябре на свет появилась я – папкина копия, доченька его любимая. И я любила его больше всех на свете.

В академии отец проучился недолго – евреи там были нежелательны. И покатила его штатская жизнь, полная послевоенных трудностей. Так многие тогда жили-выживали. Папка не умел озлобляться, завидовать, жаловаться. Работал где мог, зарабатывал сколько мог. Мы с братом Валеркой росли и горя не знали, в смысле жилось нам хорошо у хороших родителей.

Сейчас модно докапываться до корней – люди ищут-надеются – а не князя ли, не дворяне ли их предки?

А мне докапываться не надо. Я точно знаю, из каких я – из добродушных, верных, честных обыкновенных людей.

Да, много времени прошло. Воспоминания об отце – нехитрая мозаика из разноцветных стеклышек. Уж и не знаю, каким получится составленный мной узор. Вспоминаю, стеклышки

перекладываю – то оранжевое радостное под руку попадет, то нежное голубое, то страшное черное...

Мне лет 14–15. Возраст любви. Вот и Лолита Торрес о том же на всех афишах – Каимбро, мой солнечный город...

У меня косы до лопаток, на концах локоны. Волосы вьются, как у папки.

Потом, много лет спустя, после моего выступления в Израиле ко мне подошла старушка и со слезами в голосе сказала: а я с вашим папой в одном классе училась. Он у нас самый кудрявый был. Его так и называли – Айзик Пушкин. Так что я не удивляюсь, что вы стихи пишете.

Ну вот, значит, косички мои вьющиеся мне надоели – выгляжу как ребенок. А одноклассник мой, смысл моей четырнадцатилетней жизни, глаза пялит на стриженую подружку. И я решила – чтобы его отбить, и мне постричься надо. Пошла в парикмахерскую и – чик-чик-чик – косички вьются на полу. А у меня кудряшки вокруг головы и челочка – красота! Мы на другой день как раз с классом в поход собирались, и я предчувствовала победу над подружкой.

Вечером папа пришел с работы и увидел меня. Не говоря ни слова, он подошел и как треснет подзатыльник. А ручища у него была будь здоров! Он штангой занимался, гири на цепях вокруг тела крутил. Я от боли и страха даже не заплакала. Замерла. А отец вышел из комнаты и повернул с той стороны ключ в двери.

Вот тут я взвывала: «Папа, открой! Мне собираться надо. Завтра мы в поход идем». Вою, а он за дверью молчит.

Слышу – звонок – подружки мои пришли. «Здрасьте, дядь Леш, а где Лариса? Мы в поход собираемся, надо рюкзаки складывать».

А папа им в ответ: «А Лариса теперь в поход пойдет тогда, когда новые косы вырастут». Так и не пустил, представляете?

– Ларуся, – так папа меня звал, даже когда сердился. – Ларуся, почему ты все время вещи разбрасываешь? Неряха ты. Нехорошо же. Вот вырастешь, замуж выйдешь – грязью зарастешь.

Папы нет уже больше тридцати лет. А я всегда, когда навожу порядок, подметаю, пыль вытираю, всегда одну и ту же думку думаю – вот, папка, и ошибся ты. Очень даже аккуратная твоя дочка получилась. Жалко, ты не видишь.

Я выучила японский язык и работаю с японской группой. Первая поездка в качестве гида-переводчика. Папа гордится. А в России такое время, что дефицит всего, и японцы это знают. Когда их путешествие закончилось, они оставили мне все, что им не пригодилось, – начатый пузырек жидкости для снятия лака, ленточку скрепленных между собой одноразовых пакетиков со стиральным порошком и замечательной красоты радужную полосатую расчесочку. Все это богатство я гордо принесла домой – невидаль! Надписи иероглифами.

Наутро все мои сокровища куда-то исчезли. Я искала, мама искала – пропало, и все.

Вечером папа возвращается с работы расстроенный и какой-то растерянный:

– Ларусь, а чего это тебе твои японцы надавали?

Я ему пересказываю, и он начинает смеяться так, что и мне становится смешно:

– Пап, ты что?

Оказывается, он жидкость эту и пакетики принес к себе на работу и сотрудницам раздал. Вот, мол, вам – японский одеколон и сахар к чаю. Они все и подушились, и чайку попили. С мыльной пеной. Кофточка-то испортили, хорошо хоть не отравились.

– Папуль, а расческу-то полосатую куда дел?

– Какую расческу? Не знаю. Я не видел. Вот правда, расческу никакую не видел.

Разгадка появилась через неделю в виде письма от моей подружки Таньки, которая жила в украинском селе. Там, у единственной оставшейся в живых папиной сестры, тети Сони, мы с братом проводили свои летние каникулы. Танька в письме благодарила меня за красивый полосатый «гребушок», который дядя Леша ей от меня бандеролью прислал.

А папа несколько не смутился, даже оправдываться не стал.

– Подумаешь, Ларуся, тебе же японцы еще сто таких подарят. А у Таньки-то такого не было и не будет. В жизни, доченька, надо быть подельчивой. – Я навсегда эти его слова запомнила.

Так с ними и живу. Спросите, кого хотите.

Я – пионерка. «Как повяжешь галстук, береги его...» А мне-то особенно и беречь не надо, у нас с братом Валеркой этих галстуков завались – штук пять уже набралось.

50-е годы – еще многие ветераны, герои войны, живы. А у нас свой аж дважды Герой – дядя Гриша. Григорий Михайлович Мыльников – летчик, папин друг. Всю войну прошел, ранен в голову. У него во лбу вместо кости платиновая пластина. На лацкане пиджака – две золотые звездочки. На родине памятник – бюст. И такая же копия у него дома, в квартире. Дядя Гриша, когда домой приходит, шляпу снимает и на голову бюсту этому надевает. Очень удобно.

Дядя Гриша выпивает. Часто. Лучшая для него компания – Давыдыч. Тот есть Лешка. То есть мой папа. Выпьют и давай войну вспоминать.

А в школе у нас мода – на пионерские сборы приглашать героев войны и их воспоминания слушать. Ну вот мой дядя Гриша и ходит к нам в школу на все эти сборы. И каждый раз его принимают в почетные пионеры. И повязывают новый пионерский галстук. А он их все отдавал нам, поэтому их у нас и было завались.

Я почти не помню отца без его закадычного Гришки. А когда отца не стало, мы собрались на 40-й день его помянуть. И дядя Гриша сказал удивительный тост. А на другой день он умер. И папе, и ему не было и 60 лет.

Эх, война, война...

Мне тридцать лет, а я не замужем. Вся семья переживает, папка особенно. И вдруг стараниями друзей возникает Давид – высоченный, умный – стоматолог. А я а) не люблю высоких, б) хочу в мужья какого-нибудь писателя или поэта. Ну, в крайнем случае артиста или режиссера. А тут – стоматолог какой-то.

А папа мне однажды такое сказал: «Не хорош, говоришь? А всех хороших уже по хорошим разобрали. А тебе досталось, что осталось. Так что радуйся, ведь ты уже на финишной прямой».

Умница папочка. Умней меня в тыщу раз. Разглядел ты в будущем зяте и ум, и порядочность, и надежность, и мое будущее многолетнее счастье. И оказался прав. Спасибо, папка.

Что-то папа мой, когда идет, все время останавливается и дышит тяжело.

– Пап, ты что? Сердечко болит?

– Нет, Ларусь, все нормально.

Летом мы с Давидом и друзьями поехали отдыхать в Литву – палатки в лесу натянули, грибы-ягоды собирать, рыбу ловить будем целый август.

Мама с папой тоже в отпуске – в Одессу, на море, с друзьями. Пока-пока!!!!

Телефонов мобильных еще в помине не было. Недалеко от нашего палаточного городка жил лесник, у него в домике был телефон. И я, как приехала, позвонила в Москву брату и его жене Лере – все нормально, доехали. Передайте родителям, чтоб не волновались. И телефон этот на всякий случай запишите.

Грибов в тот год было видимо-невидимо. Мы бродили по лесу, день солнечный, кайф. И вдруг меня как будто сила какая-то как кинет на землю, и прижимает сильно-сильно. Все бегут ко мне – что случилось? Тебе плохо?

– Да нет, вроде все нормально.

– А почему упала?

– Сама не знаю.

– Ну ладно, вставай. Обедать пора, – Давид всегда любил дисциплину, – половина второго уже. Пошли к палаткам.

Сидим, болтаем, поедаем свои продовольственные запасы. И вдруг я вижу – к нам лесник идет. У меня в глазах потемнело.

– Давид, вон лесник идет, чтоб сообщить, что мой папа умер.

Это было так. Мама позвонила Валере и Лере и сказала, что в половине второго отец вышел из моря и упал. Мгновенная смерть. Сердце. Ему было 59 лет. Лера набрала номер лесника, чтоб передать мне это страшное известие.

Вот и все. Я никакой не экстрасенс. И ни во что не верю. Просто мы с папой очень любили друг друга. И в миг смерти он обо мне подумал. И я услышала. Я же на него похожа. И хожу вразвалочку.

Алексея Давидовича Рубальского, моего отца, любили все. Весь дом. Все, кто его знал. А о том, что я стихи пишу и меня по телику показывают, папка так и не узнал...

Настоящая подруга

1

– Ольгиванна, попросите к телефону Травку! – Вы что-нибудь поняли? Нет? Объясню – Ольга еще девчонкой была, а кавалерам уже представлялась по имени-отчеству – Ольга Ивановна. А потом это уже почти в прозвище превратилось – Ольгиванна. Все ее так и называли. Девушка она была чудноватая, в смысле, романтическая очень натура. И книги любила читать чувствительные. Особенно «Даму с камелиями». Раз сто перечитала. И плакала над судьбой бедной героини Травиаты, умирающей от туберкулеза. Сколько раз читала, столько раз и плакала. И места особой печали в книге были закапаны слезами Ольгиванны и даже испорчены этой постоянной сыростью.

Ну и, конечно, когда какой-то придуманный Олей рыцарь, или там идалго, который на самом деле был всего-навсего негодяем, таксистом Витькой, за один только разок перевернул ее жизнь, заодно разбив вдребезги нежное сердце, появление на свет доченьки Травиаты стало неизбежным фактом.

Много чего Ольга наслушалась в свой адрес, пока, как весенняя почка, набухла своей новой радостью. Мало ли кто чего говорит, ей-то что! Работа есть – корректор, там безграмотных не держат. Посидит немножко с ребенком, а потом снова на работу выйдет. А нянчить внучку будет бабушка, Олина мама. И жить есть где – в двухкомнатной квартире, как и до появления этого Витьки, Айвенго несчастного. Мама-то Травиату полюбит и Ольгу со света сживать не будет. Ведь Ольга отчество-то свое, Ивановна, носит по имени деда, отца матери, потому что своего личного отца у нее никогда не было. Правда, имя ей мама просто так дала, ни по какой не по героине.

Травиата, пока ждала своего появления на свет, Ольгу особенно не мучила. Сидела себе все девять месяцев, прилично себя вела. И когда родилась, тоже не мучила. Будто и не было в ней негодяевых генов. Хорошая девочка получилась. И тоже с детства книги читать полюбила. А сейчас она уже взрослая совсем. И Оля уже настоящая Ольгиванна. Две подруги они. А Травкой ее подруга Маринка называет. А саму себя Маринка велит называть Мэри. Ну велит – пожалуйста. Мэри так Мэри.

Давно Травка с Мэри дружат, класса с третьего. Не ругаются, секретами делятся. Только жизнь у них по-разному сложилась. Мэри замуж вышла рано и счастлива – вот уже скоро серебряная свадьба у нее с Павлом будет. А дочку свою она Маргариткой назвала – вроде как в честь Травиаты. Ведь Травиата означает «фиалка». Ну и Маргаритка – тоже цветок. И цветки эти между собой тоже как подружки – разницы в возрасте совсем не чувствуют. Павел в банке работает, отдел какой-то важный возглавляет. В деньгах нехватки нет. Мэри – хочешь – работай, а не хочешь, дома сиди, журналчики гламурные листай. Денег и так на все хватит.

* * *

Травиата себя ни одинокой, ни несчастливой не чувствовала. А что? – у нее все нормально – подружки, мама и главная любовь ее жизни – собаки. Она в институте не парилась, ума из книжек прочитанных набралась на два высших образования. А вот специальность хорошую приобрела – собак стричь. И делала она это виртуозно. Клиентуры было полно, и все симпатичные, солидные люди. Во-первых, собачники все, как правило, симпатичные. А во-

вторых, модельная стрижка питомца стоит недешево, а раз заплатить могут, значит, денежки водятся. То есть солидные люди.

По утрам Травиата неторопливо пила кофе, потом заводила свой автомобиль и ехала на очередной вызов к своим любимцам. Все клиенты Травку любили – приятная, начитанная девушка, к тому же на все премьеры в театры ходит и что-нибудь интересное всегда расскажет.

2

Среди тех, чьих любимцев Травиата облагораживала своими виртуозными ножницами, были и доктора-профессора, и артисты, и кто хочешь. Поэтому стоило только захотеть – пожалуйста, Травиата, вот вам билетик на премьеру, пожалуйста в первый ряд.

Выглядела Травка очень молодожаво, только когда в проборе ее золотистых волос обозначивалась отросшая седина, можно было догадаться, что ей уже за...

* * *

Я теперь уже не помню, как она появилась в моей жизни, но симпатия к Травке у меня возникла сразу. Приходя время от времени в мой дом, она старательно рассказывала мне о том, что видела, читала. Хотела производить впечатление, и ей это вполне удавалось, потому что ее суждения и оценки были оригинальными и, как правило, интересными.

Мою постоянно раздумывающую о всякой всячине голову каждый раз посещала одна и та же мысль – вот, пожалуйста, чтобы быть умницей, не обязательно аспирантуру заканчивать. Это если человек на свет сам по себе умным родился. И еще я думала: как это так несправедливо получилось – хорошая такая женщина, а нет никакой личной жизни? Обидно даже. О собаках она рассказывала так занятно, что хоть на магнитофон записывай и потом рассказ готовый пиши – все собаки у Травиаты были с характерами, судьбами – веселыми и грустными.

Однажды я, посчитав, что мы уже достаточно давно знакомы, решила устроить Травке допрос на тему личной жизни. Первый же вопрос был составлен исключительно деликатно: скажите мне, Травиата, почему же у вас мужчины-то никогда не было? Я была уверена, что это так: моя милая собеседница – типичная старая дева во всех проявлениях. Интересно же, как это так получилось?

Травиата отпила глоточек кофе, неспешно откусила кусочек печенья, посмотрела на меня совершенно обыкновенным взглядом.

– А что, Павел-то, по-вашему, не мужчина?

* * *

Две подружки – Мэри и Травка сидели на Мэриной кухне и болтали-секретничали. Вернее, так – Мэри делилась своими секретами, а Травка слушала. Новорожденный цветочек Маргаритка только что перекусила маминым молочком и симпатично посапывала в кроватке.

Рассказывала Мэри о докторе, принимавшем роды – и какой он был умелый, и какие руки у него нежные были – и пока Мэри в роддоме лежала, и потом, когда уже можно было... Пашка-то от радости ошалел, что дочка у него родилась. Мол, вот какой он мастер – Маргариту свою смастерил. И каждый вечер с работы возвращался с какой-нибудь покупкой – цветочку своему ненаглядному игрушки-погремушки приносил. А днем забегал Алексей Петрович – тот доктор с руками умелыми и нежными. И все свои эти умения как раз Мэри и демонстрировал. И это все было очень похоже на любовь. Ну почему же похоже? Это была именно она – неожиданная,

грешная, самая настоящая любовь. Леша был свободен, в смысле холост, молод, и влюбился всем сердцем в юную мамашу – Маринку, Мэри то есть.

Маргаритка росла, Пашка заколачивал капитал, Лешка забегал – Мэри была счастлива.

Главное, чтобы Пашка ни о чем не догадывался. А он догадываться и не думал. Ему было все равно. Потому что он любил на свете только двух женщин. И Мэри в их число не входила.

3

Интересно? Мне тоже было интересно, особенно когда я узнала, что одна из них – цветочек, Маргаритка ненаглядная, а вторая – цветочек Травка. Ну и что же, что они подруги?

Уж так получилось: жене – зарплату, дочке – подарки, а Травиате – любовь.

* * *

Маргошка тогда еще совсем маленькая была, они вчетвером летом на юг поехали. В купе на нижних полках расположились Мэри и Маргаритка, на верхних – Павел и Травиата. Все как обычно – курица, вареное яичко, помидорчик, звон ложечек о граненые стаканы и ночь. Мэри с дочкой заснули внизу, а наверху Пашка с Травкой шепотом разговаривают, а потом – спорим? – в чем-то несогласны были. Спорим – рука об руку тихонько – кто прав?

И что же такое случилось, что во время хлопка этого дружеского обоих током тряхануло. Да так, что в темноте показалось, что разряд летучей молнии сверкнул.

И опять потянулась рука к руке, а током все било и било. Хорошо, что Мэри крепко спала, а то если бы глаза открыла, то увидела бы над собой переплетенные в воздухе, там, на верхних полках, руки не спящих двоих людей.

Приехали, выгрузились, разместились – море, рынок, вино виноградное. Мэри вся в своих мыслях, как на иголках сидит – Лешке позвонить хочется. Мобильных телефонов в то время еще не было, и, чтобы позвонить, надо было бежать на почту.

– Травка, заговори Пашку, а я Маргошку с собой возьму, вроде пойду ее на аттракционах покатаю. На почту сгоняю, часок меня не будет. Только чтобы он нас встречать не засобирился. Парк-то с почтой в разных концах.

Все произошло сразу – и шепот нежный, и поцелуи, и все то, что само собой должно после этого произойти...

Возвращения Мэри они оба не заметили. И Мэри не заметила, что произошло, пока ее не было. Павел и Травиата еще не очнулись от потрясения, а Мэри было не до них. Ей ничего такого и в голову не могло прийти – приходиться-то было некуда. Там, В ГОЛОВЕ, ВСЕ МЕСТО Лешка, Алексей Иванович, занимал – Мэри на почту гоняла зря. Любимого дома не оказалось, а это странно, потому что они договаривались. И Мэри, естественно, была расстроена, а если бы расстроена не была и посмотрела бы на мужа, то обожглась бы об его жаркий, нежный взгляд, предназначенный не ей.

Две недели пролетели быстро. Все как началось, так и продолжалось – все вместе завтракали, купались, пили вино. Иногда Мэри отлучалась как бы дочку на каруселях покатавать, и тогда Пашка и Травиата были самыми счастливыми на свете.

Они тогда и не думали, что их случайная ночь станет любовью на долгие годы...

* * *

Ольгиванна заметила, что в дочке что-то изменилось, и, похоже, перемена эта радостная. Допытываться не стала – дочка взрослая, умная. Только раза два мать не к месту вздохнула, что, мол, при нынешней жизни одной, без мужа, ребеночка поднимать тяжело.

А Травиатка никого поднимать и не собиралась. Ни о каких детях она не думала, ей и так хорошо – всю нежность она отдавала своим ушастым клиентам. Она могла хозяйку по имени не помнить, а уж собачкину-то кличку помнила всегда. Стригла ласково и даже целовала в носик, если клиент или клиентка хорошо себя вели.

4

Павел влился в поток ее жизни легко, и ничего она менять не собиралась. Вот так как раз хорошо. Любимая работа, подружки – Мэрька с повзрослевшей Маргошкой, и для здоровья Пашка – приходил ненадолго, обдавал Травку волной любви и возвращался домой. Ей хватало.

Мэри со своим Лешкой с ума сходила – он-то хотел, чтобы она к нему насовсем от Павла ушла. Уже сколько лет это все тянется, надо что-то решать. А Мэри-то решать зачем? Кругом порядок: Пашка – деньги в дом, дочь-студентка, уже много чем за годы совместного проживания обзавелись-построили. А теперь что – делить, что ли? И Пашка, и Лешка никуда не денутся. Так даже интересней.

Иногда Мэри поручала Травиате ее прикрыть – например, сообщить Пашке, если он позвонит, что она весь вечер у нее была и ушла минут пять назад. Мобильник, мол, у нее сел. А сам Пашка в это время спокойненько напротив Травки сидел. Вот и выкручивайся тут.

Травиата подругу не выдавала. Вообще, все было шито-крыто.

Даже представить себе, как это у них столько лет получается, было невозможно.

Но, судя по всему, всем было хорошо.

* * *

– Травиата, а может быть, стоит развязать этот узелок? – Я, как всегда, прорвалась со своими советами. – Ведь вы все запутались, друг друга обманываете. И зачем? Ведь все так просто – Мэри любит Лешку, он – Мэри. Зачем мучиться-то? У тебя тоже все в порядке – Павел любит тебя, ты его. Схема-то проще простого. Разберитесь по-честному, и все.

Ответ Травиатки меня удивил, вернее, ошеломил.

– А зачем мне это нужно? Завтраками его кормить?..

Я замолчала и думала, что больше всего на свете я любила любимого моего завтраками кормить. И обедами, и ужинами. И рубашки его стирать, и брюки гладить любила. И с работы ждать, и... и... и... Какое это было счастье!!!

Травиата посмотрела на часы и засобиралась к какому-то то ли Джонику, то ли Чарлику. Его как раз с дачи должны были привезти – постричься. Глаза ее засветились нежностью и любовью.

Да, думала я, правду говорят, чужая душа – потемки.

А вот то, что она Мэри мужу не выдает, – молодец. Настоящая подруга.

Ошибка молодости

Фамилия у Сереги была редкая – Баргузинов. Баргузинов Серега – спина прямая, ноги длинные и ровные, как у солиста балета Большого театра. Собственно, почему – как?

Именно балетные ноги, как и должно быть у человека, занимающегося балльными танцами. Балет был слабостью, и страстью, и страшной тайной Баргузинова Сереги, которую он изо всех сил должен был скрывать от жены Оксанки. Дело в том, что на самом деле Серега был маляром-штукатуром, причем классным. И Оксанка тоже маляр-штукатур. Они и познакомились в общежитии, когда оба на стройке работали. А потом Оксанка в декрет ушла, другую Оксанку рожать, а Серега подался на вольные заработки – по квартирам ремонт делать. Денег-то стало больше нужно – двоих Оксанок кормить-одевать.

А тайна у него была вот какая – он в свободное от поклейки обоев время ходил заниматься в школу балльных танцев при Доме культуры строителей. У него в сумке под рабочей одеждой в отдельном пакете всегда лежали балетные принадлежности. А большая Оксанка, жена то есть, страшно Серегу к балетному делу ревновала. И выговор ее звучал строго: «Я замуж выходила за маляра. Жизнь свою с ним связала. А не с танцором. Так что выбирай, Серега, – или мы с Оксанкой, или твои па-де-де».

А Серега выбирал и то, и другое. И, пряча под спецовкой балетную одежду, иногда исхитрялся все-таки фуэте покрутить.

Обои он клеил быстро и ровно-ровно. Элеонора наблюдала, как он работает, и размышляла о своем. Иногда они вместе пили чай – Серега и Элеонора. И тогда Баргузинов сыпал вопросами, и Элеонора просвещала его на разные темы. Она жила на несколько этажей выше Сереги. Не в смысле этажей в доме, а в смысле этажей жизни. От Сереги до нее еще было долго-долго добираться по крутой жизненной лестнице вверх, и Серега это понимал, называл Элеонору по отчеству – Александровна и даже пару раз за время ремонта приходил с коробочкой конфет. Одним словом, как-то за три недели работы Сереги в квартире Эли они подружились. Эля даже однажды прикрыла Баргузинова, когда он танцевать пошел, а Оксанка как раз позвонила. Что-то умело приврала, что, мол, попросила Сергея куда-то за чем-то съездить, и танцор был спасен.

Сама Элеонора была стоматологом. Притом потомственным. Уже третье поколение в ее семье лечило и обновляло пациентам зубы. Врачом Эля была хорошим, пациенты ходили к ней и за собой других приводили, так что в смысле денег все было нормально. И, вообще, во всех смыслах нормально – Саша, муж, работал в большой строительной компании, был человеком серьезным и никаких особенных хлопот Элеоноре не доставлял. Впрочем, как и радостей. Но это не страшно. А что детей нет – тоже не страшно. Как Эля всем говорила: «Мы с Сашей живем для себя». Все как у всех. Да и слава богу, что Саня вообще у Эли был. Замуж она вышла поздно, уже за тридцать, когда всех хороших женихов уже по хорошим разобрали. И Эле досталось то, что осталось. Короче, Саша – положительный человек.

А до Сани вообще была у Эли не жизнь, а катастрофа...

* * *

Эля вела дневник личной жизни. Вернее, список личной жизни. Сначала фамилия или имя, а рядом – плюс или минус. Иногда против имени стоял знак вопроса. Означало это вот что: плюсики – если с владельцем имени БЫЛО, а минусики – если НЕ БЫЛО. Собственно, минусики-то был всего один, а знаков вопроса – шесть. Это в том случае, если Эля или не помнила, или не поняла – было все-таки или не было.

Под всеми этими Эдиками и Олегами Николаевичами можно было провести итоговую черту, поставить две короткие параллельные черточки – равняется, и под чертой общий итог – БРОСИЛИ! Вот почему это так выходило – непонятно, но бросали Элю все – и военные, и продавец мясного отдела, и артист один из оперной массовки, и другие. Короче – все!!!

* * *

Вот, например, в списке красивое имя – Альберт. И сам он был ничего, имя ему шло. Когда количество свиданий перевалило за три, у Элеоноры появилась смутная надежда, что именно Альбертик и есть ее судьба. И решила она ему на это красиво намекнуть. На четвертый раз, после того, как было, в смысле плюсика в списке, Альберт пошел Элю до троллейбусной остановки проводить. Он не любил, чтобы женщины у него до утра оставались.

И вот стоят они на остановке, а троллейбуса нет, а дождь как раз есть. И замечает Эля, что Альбертик собирается оставить ее под дождем одну – мол, чего вдвоем-то мокнуть? Я пошел, ты жди, троллейбус скоро подойдет. Ну и Эля решила остановить его, огорошив красотой слов, которые она заранее подготовила. Взяла она Альбертика за руку, глаза опустила и говорит:

– Альберт, ты знаешь, – говорит, – что ты – моя настурция.

Альберт забеспокоился, руку отнять хотел – какая еще настурция? А Эля тихо так, но чтобы он все-таки речь ее пламенную слышал, продолжает:

– Понимаешь, милый, я так давно одна, что уже и чувствовать забыла. – Надо же так сказать, как будто она героиня какого-нибудь сентиментального романа из прошлых времен: чувствовать забыла! – Думала, что вот и август кончается.

Альбертик даже вздрогнул:

– Какой август, уже ноябрь проливной.

– Август мой, думала, кончается, в смысле времени жизни человеческой. А в августе уже все цветы отцвели, и кажется, что и не было никакого цветенья. И вдруг на клумбах вспыхивает оранжевая настурция, цветок запоздалый! Да, да, еще есть цветенье, надежда, радость. Вот ты, Альберт, и есть – моя новая радость, новое цветенье, настурция моя!!!

Во, наговорила! Альберт сначала опешил, а потом руку отдернул и говорит:

– Эля, слушайте, ваша задница уже давно не помещается за школьной партой, а вы все сочинения сочиняете! Август у вас какой-то кончается! Смотрите лучше, вон ваш троллейбус подходит. – И потопала настурция быстрым шагом, оставив Элю стоять под дождем. А Эля заплакала, и в троллейбус войти забыла, и следующего ждала минут двадцать.

* * *

Олег Николаевич тоже с плюсиком в списке значился. Он однажды у Эли заночевал. После, между прочим, ресторана. Там они танцевали под тихую музыку, потом он ломал шоколадку на мелкие кусочки и бросал в бокалы с шампанским. Шоколадки кружились на веселых пузырьках, а Олег Николаевич смотрел в Элины глаза и грустно рассказывал, что хоть и женат, но с женой они давно спят в разных комнатах. Так что он почти свободен для женской ласки.

Ну и стал несвободен. Эля старалась как могла – жалела Олега Николаевича всю ночь напролет. А утром пошла на кухню – яички на завтрак сварить, а ее добровольный пленник вышел на балкон – поприседать и размяться. Он привык у себя дома каждый день зарядку делать на балконе. Присел он пару раз, а потом вдруг вылетел с балкона и влетел в кухню как ошпаренный. По яичку ложкой бьет, а разбить не может. Прямо Курочка Ряба какая-то. Эля забеспокоилась: Олежек, что с вами? А Олежек-то, оказывается, когда на балконе приседал, на другом балконе, ровно напротив стоящего дома, свою жену увидел. Она там тоже приседала

– привычка, что поделаешь! И муженька своего, козла рогатого, конечно, заметила. Бывает же такое! Ведь он ей сказал, что уезжает со своей фирмой на какой-то семинар за город с ночевкой. А она и рада была, что ей ничего придумывать в очередной раз не надо, чтобы дома самой не ночевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.